

Будучи столь важной церемонией, собирающей всех влиятельных лиц Святой Династии, масштабное событие закономерно налагало тяжелейший груз на плечи тех, кто отвечал за безопасность. С тех пор как три месяца назад раны Юэ Инъяна полностью затянулись, он уже неоднократно курсировал между Вэйчэном и горным районом Улин, занимаясь подготовкой и организацией. А сегодня, с началом официального выдвижения в путь, ему тем более предстояло держать круглосуточную усиленную стражу на всем маршруте, не позволяя себе ни малейшей оплошности.

Поэтому, когда наступил вечер и Сыту Гунхун уже устроился в императорском шатре, а Юэ Инъян по-прежнему оставался неуловим — словно божественный дракон, что видит голову, но не хвост, — Сыту Гунхун окончательно погрузился в пучину недовольства.

— Сяо Шуныцзы, то, что Я приказал тебе подготовить, уже сделано? — почти выбив ногой яму в земле под ногами, холодно и мрачно бросил Сыту Гунхун стоявшему у самого входа Ли Цюаньшуню.

— Отвечая Вашему Величеству, этот раб всё приготовил, только вот... неужели Ваш Величество действительно собирается так поступить? — Если Юэ Инъян узнает, разве не сойдет с ума от гнева? Но если не дать ему знать, то когда всё вскроется, отделаться простым раздражением уже не получится.

— Раз Я сказал, что сделаю, значит, сделаю! Почему бы и нет?! Я не просто это сделаю, Я устрою всё по высшему разряду! — сквозь зубы процедил Сыту Гунхун, особенно когда издали донесся голос солдата инженерных войск, громко звавшего генерала Юэ и докладывавшего о возникшей проблеме с каким-то водоотводным рвом. Ведь это означало, что Юэ Инъян в ближайшее время никак не сможет явиться к нему.

До самого утра следующего дня, когда Сыту Гунхун уже переоделся в парадные ритуальные одежды для церемонии, Юэ Инъян так и не появился. Лицо Сыту Гунхун сделалось чернее придорожной грязи. Он-то рассчитывал, что Юэ Инъян собственными глазами увидит его величественный облик во время проведения ритуала жертвоприношения Небу, но, судя по текущему положению дел, в тот момент тот, пожалуй, всё еще сражался с грязью на месте работ!

— Час настал! Просим Вашего Величества взойти на алтарь для проведения Великого ритуала жертвоприношения Небу! — разнесся зчный голос церемониймейстера.

Чиновники со строгими выражениями на лицах опустили головы, ожидая, пока император поднимется на вершину горы и начнет обряд. Придворные выстроились по обеим сторонам подножия горы в строгом соответствии с рангами: чем выше чин, тем ближе к вершине и к священному алтарю стоял человек. Однако Сыту Гунхун, бдительно следивший за обстановкой с самого начала, отлично знал, что Юэ Инъян отсутствует на отведенном ему месте!

Ли Цюаньшунь в сопровождении целой группы маленьких евнухов смог проводить императора только до подножия горы. Сыту Гунхун величественной поступью начал подниматься по

ступеням.

С каждым преодоленным пролетом за его спиной прибавлялось по две опустившиеся на колени фигуры, и с каждым шагом Сыту Гунхун мысленно проклинал Юэ Инъяна! Как он мог пропустить столь грандиозную церемонию?! В прошлые годы до столь вопиющих безобразий дело не доходило, и человека всегда было видно рядом.

Стоило пройти еще немного и миновать каменную стелу, как начиналось место, где полагалось стоять премьер-министру; за этим рубежом только император имел право следовать дальше в одиночестве, чтобы в сопровождении жрецов совершить обряд.

Едва он миновал стелу, как сбоку неожиданно протянулась рука. Сыту Гунхун ошеломленно замер. В самом конце пути его встречал считавшийся пропавшим Юэ Инъян!

— Позвольте мне сопроводить Ваше Величество, — Юэ Инъян снова протянул ему руку.

Не понимая, какую игру затеял этот человек, Сыту Гунхун тем не менее с радостью вложил свою руку в ладонь Юэ Инъяна, позволив тому вести себя дальше наверх.

— Я давно хотел посмотреть вблизи на то, как ты проводишь ритуал жертвоприношения Небу. Обладать властью всё-таки полезно, — раздался голос Юэ Инъяна, но императору это показалось верхом нелепости: как всегда строго соблюдавший правила Юэ Инъян мог сейчас оказаться здесь!

— Хотя я никогда и не верил, что обряд жертвоприношения Небу способен испросить у небес благословение для Великой Святой Династии, сегодня ты выглядишь поистине великолепно! — Всякий, кто хоть раз побывал на войне, не станет уповать на подобные церемонии, перекладывая все надежды на милость небес, поэтому даже такой педант, как Юэ Инъян, относился к подобным вещам без всякого энтузиазма. Куда больше его заботило то, сколько отважных мужей, горящих желанием послужить родине, явится на завтрашней весенней охоте.

Послушав пару мгновений и сообразив, что Юэ Инъян делает ему комплимент, Сыту Гунхун обернулся, но Юэ Инъян уже опустился на колени прямо на горной тропе позади него. Дальше, по вертикальным ступеням, императору предстояло подниматься исключительно собственными силами!

Церемония жертвоприношения Небу завершилась благополучно. И хотя подавляющее большинство людей понятия не имело, что происходило наверху, вид редкостно сияющего улыбкой императора, спускающегося обратно, заставил каждого уверовать в то, что в нынешнем году Великая Святая Династия станет еще более процветающей и могущественной.

Весенняя охота на второй день проходила в лесу на равнине у подножия горного района Улин. С момента окончания церемонии жертвоприношения Юэ Инъян, которого император крепко привязал к себе, больше не высказывал никаких возражений.

Горный район Улин славился как излюбленное место обитания оленей. Сначала отряд загонщиков вошел в чащу, чтобы согнать всех животных на обширную поляну в самом центре леса, в то время как желающие испытать удачу охотники уже натянули тетивы, ожидая появления многочисленного стада в поле зрения. И лишь Юэ Инъян неотступно следовал позади императора вместе с несколькими пожилыми сановниками — в этом году государь, казалось, вовсе не горел желанием состязаться в меткости со своими подданными.

Зато Юэ Инъян был вынужден постоянно следить за шумной и теснившейся впереди толпой: в такие моменты, когда каждый норовил опередить остальных, риск случайного ранения был весьма велик.

— Ваше Величество, к счастью, вы в этом году не пожелали спускаться с луком... — Юэ Инъян как раз размышлял о том, что обстановка нынче выглядит несколько хаотичной и удержать императора в безопасности — поистине благое дело. Как вдруг, обернувшись, он обнаружил, что государь, еще мгновение назад ехавший верхом рядом с ним, бесследно исчез! Уж не подался ли он вперед к охотникам? Обыскав всю округу и не найдя никаких зацепок, Юэ Инъян был вынужден попытаться верхом протиснуться сквозь толпу людей, продолжавших выжидать появления стада.

— Выбегают! Выбегают! — раздались восторженные возгласы горевших нетерпением охотников.

Действительно, земля под ногами задрожала, и в зону охоты ворвалось стадо из сотни оленей. Юэ Инъян не устаивал взглядами лица тех, кто жаждал лишь покрасоваться, сосредоточив все мысли исключительно на поисках императора.

— Ай! — неожиданно раздался чей-то пронзительный визг в толпе: — Среди оленей человек!

Услышав это, Юэ Инъян почувствовал, как на лбу вздулись вены — нехорошее предчувствие кольнуло сердце.

— Это женщина! — снова закричал кто-то!

Теперь Юэ Инъян просто не мог не обратить внимания: на женские персоны на церемонии жертвоприношения табу!

И действительно, стоило Юэ Инъяну перевести взгляд на фигуру, вызвавшую всеобщее изумление, как его брови невольно сошлись на переносице. Яркие одежды, не заметить которые было попросту невозможно, тщательно повязанная на лицо вуаль и едва держащаяся в седле фигура, качающаяся на спине коня... вдобавок к этому — перепуганная до полусмерти лошадь, мчащаяся прямо посреди несущегося стада!

— Не стрелять! — Едва заметив, что одна из стрел, изначально нацеленных на оленей, из-за движения животных и женщины летит прямо в нее, Юэ Инъян попытался окликнуть стрелка,

но опоздал.

Женщина едва удерживалась на лошади, и речи не шло о том, чтобы увернуться от летящей в лоб смертоносной стрелы!

Юэ Инъян круто стиснул бока коня шпорами, сорвал со спины висевший там тугой лук и бросился наперерез стаду. Из толпы позади вновь донесся крик — Юэ Инъян выпустил стрелу вслед мчавшейся женщине!

К тому моменту он уже влетел в самую гущу оленей. К счастью, на глаза его скакуна были надеты защитные щитки, и конь, подчиняясь командам, ловко лавировал между несущимися животными, сближаясь с женщиной. Выпущенная Юэ Инъяном стрела обогнала первую, на расстоянии одного шага столкнулась с ней в полете, и оба снаряда рухнули в придорожную траву. Оказавшись рядом с женщиной, Юэ Инъян протянул руку, намереваясь перетащить ее к себе в седло, как вдруг понял, что дело обстоит куда хуже, чем он предполагал!

— Я так и знал, что ты непременно явишься меня спасать! — Оказавшись в его седле, Сыту Гунхун с ослепительной улыбкой смотрел на него поверх вуали, а за спиной уже гремел громовой рев толпы, наконец-то разразившейся восхищенными криками после того, как Юэ Инъян совершил подвиг ради спасения красавицы.

— Ты! — Лицо Юэ Инъяна страшно исказилось, он едва сдерживался, чтобы не сбросить императора обратно на землю.

— Очень скоро ты поймешь всю пользу моего поступка! — Сыту Гунхун вскинул голову и прямо сквозь вуаль запечатлел поцелуй на щеке Юэ Инъяна.

Резко дернув за поводья прежде, чем тот успел взорваться от ярости, он соскользнул с седла и мгновенно растворился в зарослях кустарника.

А на третий день во время пышного пиршества Юэ Инъян наконец узнал, в чем заключалась обещанная императором польза.

— Полагаю, вчера все имели возможность убедиться: кто во время этой весенней охоты проявил себя храбрее Юэ Инъяна?! — слова Сыту Гунхуна, сидевшего под временным навесом, встретили всеобщим одобрением.

— К тому же многим наверняка любопытно, кем была та таинственная женщина? Это моя восьмая августейшая сестренка, восьмая принцесса покойного императора. В знак признания вчерашнего героического поступка генерала Юэ я официально пожалую восьмую принцессу ему в жены! — Речь императора вновь произвела разорвавшейся бомбы.

Вот только собравшихся смущало одно: покойный император имел всего семерых дочерей, и

все они уже давно были выданы замуж... откуда же взялась восьмая принцесса?.. Но раз уж государь изволил так объявить, оставалось только подчиниться! В конце концов, жениться-то не им...

Выслушав столь щедрую награду, Юэ Инъян мог лишь покрыться сеточкой темных черточек на лбу... Никакой восьмой принцессы в природе не существовало! А император затеял столь сложную постановочную интригу, даже не побоявшись рискнуть собственной жизнью! Если он всего лишь добивался привлечения всеобщего внимания при помощи случайной женщины, то своего он безусловно добился — вот только сколь же жестоко это по отношению к бедняжке, чье личное счастье принесли в жертву ради их затей! Чем же подобный поступок отличается от истории с Хун Яо в прошлом?! Раз уж он однажды предал Хун Яо, ему вовсе не хотелось, чтобы еще одна ни в чем не повинная девушка повторила ее горькую участь.

Тем же вечером Юэ Инъян едва не разнес шатер императора в щепки, но так и не смог заставить государя отменить указ, оглашенный перед лицом всех сановников.

Когда все вернулись из горного района Улин, Сыту Гунхун приказал доставить во дворец старого отца Юэ Инъяна. Там ему объявили, что восьмая принцесса с малых лет отличалась слабым здоровьем, из-за чего ее скрывали от посторонних глаз, а под конец лукаво осведомились: если принцесса не сможет подарить клану Юэ ни сыновей, ни дочерей, станет ли Старый генерал Юэ считать ее своей невесткой?

Раз сам император высказался в подобном ключе, разве можно было отказаться? Старый генерал стиснул зубы и наотмашь дал свое согласие!

Так брачный союз между кланом Юэ и императорской семьей был скреплен вопреки ожесточенному сопротивлению Юэ Инъяна, а свадьбу назначили ровно через полмесяца.

До назначенной даты оставалось всего три дня, и Юэ Инъян в полном смятении шагал из угла в угол по своему кабинету — дело зашло слишком далеко, и повернуть назад уже не представлялось возможным.

— Генерал, у ворот какой-то мужчина с женщиной, называют себя вашими старыми знакомыми и просят о встрече, — в дверях внезапно появился управляющий Ло.

— Не принимать! — С чего бы ему сейчас испытывать желание кого-то принимать? Наверняка явились лишь с дежурными поздравлениями.

— Но, генералы, они говорят, что не уйдут, пока их не впустят. — Слуги больше всего страдали от подобных гостей, чья личность и намерения оставались загадкой, но те с порога заявляли о давнем знакомстве. Откажешься докладывать — а вдруг и впрямь объявился старый товарищ по важному делу, хозяин разгневается и сочтет слуг виновными; доложишь, а окажется какая-то пустяковая мелочь — господин все равно сорвет злобу на них!

— Ладно, пусть входят! — Так или иначе, на душе у Юэ Инъяна скребли кошки, и он решил сперва взглянуть, кто же именует себя его старым знакомцем, заодно ненадолго отвлекшись от мыслей о предстоящей женитьбе.

— Генерал Юэ! — шедший впереди крепкий мужчина в крестьянских одеждах, переступив порог, сложил руки в приветственном жесте. Юэ Инъян мог биться об заклад, что видит его впервые в жизни. Зато следовавшая за ним грациозная женщина, спрятавшая лицо подульной вуалью, показалась до боли знакомой — имя чуть не сорвалось у него с языка!

— Господин... — Женщина откинула вуаль, являя взору мягкие, нежные черты лица Хун Яо.

— Небеса! Хун Яо! Выходит, тебе и вправду удалось спастись из того пожара! Поверить не могу, ты стоишь прямо передо мной! — Юэ Инъян совершенно растерялся, не находя слов, чтобы выразить охватившую его радость. Неужели столь чудесные вещи и вправду случаются в его жизни?!

— Господин, прошу вас, не волнуйтесь так, присядьте и выслушайте меня спокойно. — Хун Яо сохранила прежнюю кроткую мягкость, усадив Юэ Инъяна на почетное место в массивном кресле тайши, после чего сама присела неподалеку вместе с тем крестьянином.

— Хорошо, я спокоен, говори, — Юэ Инъян послушно замер в кресле.

— Я не спасалась бегством. Пожар устроила я сама. — Хун Яо, глядя на округлившиеся от изумления глаза Юэ Инъяна, продолжила ровным голосом: — Я изначально была чужачкой в этом мире, вторглась туда, куда мне не следовало. Вы проявили ко мне столько нежности, сколько было возможно от вас ожидать, поэтому я не держу на вас зла. Просто я больше не хочу оставаться заложницей чужих треугольников. Раз вы оказались неспособны открыться мне до конца, мне пришлось самой поставить точку в моем существовании! А то время, что вы провели в угрызаниях совести из-за меня, можете считать искуплением вашего долга передо мной... Господин, Хун Яо больше не сможет служить вам, прошу вас, берегите себя! — произнеся это, Хун Яо подошла к Юэ Инъяну, опустилась на колени и отвесила земной поклон.

— Хун Яо! Это я перед тобой виноват! Куда же ты теперь пойдешь совсем одна? Вернись, я непременно позабочусь о тебе! — Почему в этом мире существуют столь прекрасные женщины, да еще угораздило же его, Юэ Инъяна, встретить ее и предать!

— Господин, я не одна. Он — лесоруб из деревни за городской стеной Вэйчэна. В тот день, когда я покинула поместье генерала, у меня не было ни кола ни двора, и лишь благодаря его приюту я не оказалась на улице, я уже решила выйти за него замуж. Возможно, мы больше не останемся во Вэйчэне, я хочу отправиться на юг. Разве вы сами прежде не говорили, что мне подобает быть белым лотосом в южном пруду — чистым, невзирая на грязь? Вот я и отправлюсь на юг, полюбоваться на те самые бескрайние заросли лотосов, о которых вы рассказывали. К тому же, покидая поместье генерала в тот день, я вовсе не ушла с пустыми руками! — Поднявшись с пола, Хун Яо подвела к Юэ Инъяну молчаливого мужика и изложила свои планы на будущее, а при упоминании южных пружин с лотосами на ее лице застыло такое

выражение, словно она уже мысленно перенеслась туда.

И даже когда Хун Яо давно ушла, Юэ Инъян все еще пребывал во власти сотканной ею прекрасной картины.

Выйдя за ворота поместья генерала, Хун Яо выпустила руку крестьянина: — Спасибо вам, братец Лю, если бы хозяйка узнала о наших словах, поднялся бы страшный шум!

— Оставь эту бабу. Но ты... раз генерал предлагал тебе остаться, зачем солгала и не захотела остаться? — сокрушенно покачал головой крестьянин по фамилии Лю.

— Я ведь и вправду собралась на юг... с чего бы мне лгать? — Хун Яо лукаво подмигнула ему, не оглядываясь на оставшееся позади поместье генерала, и уверенно зашагала вперед.

— Ну и девчонка, до чего же добрая душа! Иначе мы с женой ни за что не приютили бы тебя, — вздохнув, простодушно произнес мужик, провожая взглядом точеную фигурку Хун Яо, шедшую впереди по узкой извилистой улочке. И кто знает, что за женщина была та, ради которой генерал Юэ легко отрекся от нее?

Когда в поместье генерала вновь справляли свадьбу, размах торжества превзошел предыдущий: празднеством захватило едва ли не всю улицу. А поскольку речь шла о браке с императорской сестрой, практически все гадали, удостоит ли император лично своим присутствием проводы принцессы из родительского дома.

Юэ Инъян в алых свадебных одеждах метался по своей комнате, не находя себе места — уже совсем скоро предстояло встречать невесту. Император по-прежнему не появлялся, а у него накопилась масса вопросов, множество вещей хотелось высказать... Приходила Хун Яо, она теперь счастлива, а значит, он тем более не имеет права разрушать чужое женское счастье! Ведь он прекрасно знал, сколь легко разрушить хрупкий мир, и как донельзя трудно впоследствии собирать осколки воедино!

К его разочарованию, государь не появился даже тогда, когда свадебный паланкин невесты прибыл к воротам клана Юэ.

Введя невесту в дом с помощью алой шелковой ленты, Юэ Инъян почти не глядел на новобрачную, отчаянно уповая лишь на то, что император вот-вот объявится!

— Поклон Небу и Земле! — Зачем ему снова и снова проходить через этот фарс?

— Поклон родителям! — Почему император позволил себе разочаровать его в такой день...

— Взаимный поклон супругов! — Взгляд Юэ Инъяна впервые упал на стоявшую напротив девушку, которой вновь предстояло пасть в пропасть...

— Генерал Юэ... совершите парный поклон... — церемониймейстер, не понимая, почему жених внезапно замер посреди ритуала, в растерянности зашептал рядом.

— Поклон супругов! — не дождавшись реакции, распорядитель повторил призыв.

Юэ Инъян по-прежнему не шевелился. И в тот момент, когда встревоженный церемониймейстер и сбитые с толку зрители уже заволновались, невеста резко дернула за алую шелковую ленту, и Юэ Инъян, потеряв равновесие, подался вперед! Перепуганная толпа было ринулась на помощь, но невеста уже крепко подхватила падающего жениха в свои объятия!

— Всё, церемония завершена! — раздался низкий голос из-под фаты невесты, после чего на глазах у изумленной публики красный свадебный плат был сорван и отброшен в сторону. И кто же оказался под покрывалом, если не сам император?!

Все присутствующие рухнули как подкошенные!

— Ты! — Юэ Инъян, распознавший похитителя спокойствия с самого первого мгновения, теперь был окончательно уверен, что бракосочетался с этим наглым, не ведающим страха императором! Он остолбенел, онемев от шока — он просто не верил, что император вновь так беспардонно надул его! И уж тем более не верил, что государь способен выкинуть подобный номер, плюя на насмешки света! Похоже, сегодня им предстояло свести старые счета по полной программе!

— Ой, теперь-то ты по закону мой муж... и никто уже не посмеет возразить! — Император облачился в нелепые свадебные одежды, но держался с прежним высокомерным видом, особенно выделив интонацией слово муж, чтобы до тугодума дошел весь масштаб происходящего. Раз уж у Юэ Инъяна не хватило смежности стать его женой, то роль мужа вполне сойдет... Во время собственной свадьбы государь выглядел триумфатором, лучась победоносным торжеством.

На сей раз рухнули даже выдавшие виды старый премьер-министр и Старый генерал Юэ...

— Сыту Гунхун! — В тот день голос Юэ Инъяна раскатился по всем девяти улицам и десяти переулкам Вэйчэна, после чего он, дабы избежать дальнейшего позора, ухватил Сыту Гунхуна за руку и потащил в сторону заднего двора.

— Юэ Инъян, предупреждаю сразу! Пусть замуж вышел я за тебя, но насчет того, что будет в постели, нам придется договариваться особо! — донеслись смутные голоса из извилистой галереи, ведущей вглубь поместья.

Все люди, попадавшие на пути в усадьбе клана Юэ, в едином порыве забили в мелкой судороге... и окончательно стихли.

Конец

Эпилог: Праздник образования КНР

Ветер овекает ступени, за окном серебряный лунный свет струится сквозь туманную дымку.

Уже погруженный в сон Юэ Инъян резко свел густые брови, нащупал лежащий у подушки кинжал и, даже не вынимая из ножен, быстрым переворотом преградил путь к горлу стоявшему у кровати человеку.

— Инъян... — только что подошедший к постели человек, еще не успевший воплотить в жизнь ни единого из своих замыслов, но уже встреченный острием у шеи, лишь жалобно и мягко протянул имя.

Стоило Юэ Инъяну услышать этот густой, знакомый до мельчайших интонаций голос, как он тяжело вздохнул, и рука сама собой опустилась: — Каким ветром тебя снова занесло? — Черкнув огниво, он зажег трут, но стоявший рядом уже подался вперед и крепко-накрепко обхватил Юэ Инъяна со спины.

— У нас новобрачные, а ты даже во дворец явиться не можешь, днем мне тоже не удастся вырваться — если не прийти сейчас, то когда же? — Воротив Юэ Инъяна лицом к себе, тот настойчиво впился в его лишенные выражения губы жадным поцелуем.

Когда они наконец отстранились, лицо Юэ Инъяна по-прежнему сохраняло суровое выражение, но щеки уже покрыл легкий румянец, особенно заметный при мерцании колеблющегося пламени свечи — то ли от гнева на этого наглеца, то ли от пробудившейся страсти. И кому же еще быть дерзновенному нарушителю покоя, посмевавшему ночью тайком пробраться в поместье генерала, как не юному владыке нынешней Святой Династии Сыту Гунхуну!

<http://bllate.org/book/21138/2144067>